

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

КАМЫШЕВСКИЙ КЛАД АНТИЧНЫХ МОНЕТ
ХЕРСОНЕСА

24 июня 1945 года ученица 1-го класса Таня Бычкова, посетившая Херсонесский музей, сообщила, что у нее имеются точно такие монеты, как выставленные в витрине Античного отдела. По просьбе работниц музея она обещала принести свои. На следующее воскресенье, 1-го июля, она свое обещание сдержала. Как потом выяснилось, эти монеты она получила у своего сверстника, обладателя целой противогазной коробки таких же монет.

Отец девочки, инженер В. С. Бычков, сказал нам, что монеты были найдены рабочим „Севастопольстроя“ И. Г. Юрченко при следующих обстоятельствах. Летом 1944 года, после освобождения Севастополя, Юрченко и его товарищ Васильев ехали на участок в Казачью бухту. Не доезжая Камышевой бухты, они разговорились с бойцами трофейной команды, которые рассказали им, что при сборе трофейного имущества они наткнулись неподалеку, в окопе, на клад старинных монет. Юрченко и Васильев пошли посмотреть окоп и нашли там разбитый кувшин и рассыпанные монеты. Обломки кувшина они бросили, а монеты собрали. Медные монеты Юрченко отдал своему маленькому сыну для забавы, а серебряные сохранил. Часть монет была им затем раздарена и попала к Бычкову. У Быčkova я получил десятка два медных и четыре серебряных дидрахмы с головой Геракла. Серебряных монет у Быčkova было больше десятка, но он их тоже раздарил, а одну серебряную тетрадрахму оставил себе¹. Юрченко свои монеты отдал мне, и они вместе с монетами Быčkova поступили в нумизматическое собрание музея.

При содействии В. С. Быčkova на следующий день, 2 июля, вместе с т. Юрченко я выехал на место паходки клада и, установив его точное местонахождение, собрал обломки кувшина и оставшиеся монеты.

Клад найден в индивидуальном окопе Великой Отечественной войны, длиной 1,10 м, шириной 0,55 м и глубиной 0,40—0,45 м. Подошва окопа—материковая скала. Ориентировка к севера на юг. Окоп вырыт на водоразделе восточного склона Камышевой бухты и западного склона балки, впадающей в Круглую бухту, вблизи высотной отметки 21 саж. над уровнем моря на верстовке 1920 г. (Севастопольское градоначальство, лист XVII—8). На восток, до берега Камышевой бухты—350—360 саженьей. Южнее окопа расположено несколько долговременных немецких укрытий. К западу от окопа,

¹ Эта монета описана в статье А. К. Тахтая, Бычков передал в музей гальвано-пластические копии обеих сторон монеты.

на расстоянии 3—4 м, находится вал—межа древнего виноградника, направлением Ю—С. В 4—4,5 м к ЮЗ от окопа—воронка от небольшой авиабомбы, хвостовая часть которой находилась тут же.

Клад находился в кувшине, часть горла которого была срезана при рытье западной стенки окопа. Положение кувшина в земле точно определяется пустотой в западном обрезе окопа, откуда кувшин был вынут. Кувшин находился на глубине 0,30 м, на боку, горло было немного приподнято вверх. Толщина насыпи от современной поверхности до кувшина—0,10—0,15 м. Мною было тщательно осмотрено все пространство вокруг окопа и его подошва. Найдены многочисленные обломки разбитого одноручного кувшина и 82 монеты—59 медных и 23 серебряных. В земле, на подошве окопа, найдены две медные монеты и одна серебряная с головой Геракла. Земля, выброшенная наружу при рытье окопа, была мной перебрана, и в ней найдены две медных монеты и обломки венчика кувшина. 67 монет (55 медных и 12 серебряных), рассыпанные бойцами трофейной команды и рабочими „Севастопольстрой“, найдены на краю окопа с южной стороны. В выкинутой из окопа земле, кроме того, найдены два обломка бутылок войны 1854—55 гг. и осколки авиабомбы.

Место вокруг найденного клада было проверено специальными раскопками. Мною был заложен квадрат 0,75×0,75 м вдоль западного обреза окопа. Местоположение клада находилось в середине восточной стороны заложенного квадрата. Разведка производилась до материковой скалы. Глубина почвенного слоя та же, что в окопе—0,40—0,45 м. Никаких следов культурных остатков не было обнаружено, а поэтому дальнейшие разведочные работы были прекращены.

Кувшин, в котором находился клад, склеен реставратором музея О. Л. Скляренко. Высота кувшина—0,248 м. Наибольший диаметр по корпусу снаружи—0,164 м, диаметр горла—0,094 м, венчика по наружному краю—0,1 м, дна по подставке—0,096 м (рис. 1). Кувшин одноручный с горлом средней высоты, недостает только небольших кусочков тонкостенного горла. Венчик отогнут наружу. Под венчиком, по горлу,—небольшое утолщение рубчиком. Горло постепенно переходит в округлое плечо корпуса, который ко дну сужается. Линия профиля слегка выпуклая. Дно с плоской подставкой, немного вогнутой снизу. В центре—плоское углубление округлой формы, глубиной около 0,001 м. Наружный профиль подставки—двухгранный, с мягким переломом. Ручка в сечении плоско-овальная с небольшим реберчатым утолщением посередине, во всю ее длину. Нижний конец укреплен к плечу, верхний—ниже венчика, у рубчика—утолщения горла. Ручка в переломе мягко изогнута. Глина оранжевая с редкими черными вкраплениями.

Важное значение имеет датировка кувшина, в котором были найдены монеты. Анализ формы сосуда в целом и его деталей, а также приведенные ниже аналогии позволяют с достаточной точностью установить время его изготовления. В результате многолетнего изучения керамики Херсонеса античной эпохи удалось выявить несколько комплексов твердо установленной датировки. Для нас имеют значение коллекции № 35767 и № 35762 по инвентарной книге музея и комплекс из раскопок 1908 года.

Коллекция № 35767 состоит из материалов раскопок городской

площади эллинистического периода на северном берегу Херсонеса¹ (1936). Под площадью был обнаружен некрополь IV в., существовавший до того времени, когда город разросся и на эту территорию (в нач. III в.). К сожалению, и здесь при раскопках слои были смешаны. Однако, подавляющее количество предметов и отдельных фрагментов из 2314 найденных экземпляров, датируется III—II вв., причем большая часть относится ко II в. до н. э. особенно к концу этого века. В коллекции находится целый ряд обломков кувшинов, из них несколько донных фрагментов с частями корпуса, аналогичных нашему².

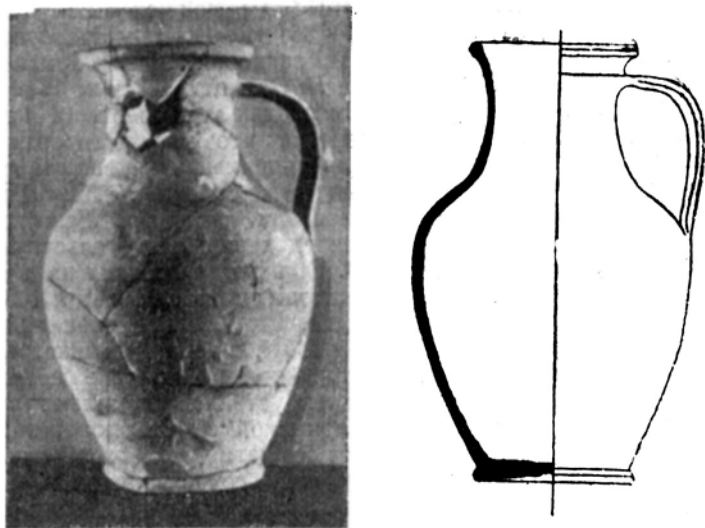

Рис. 1. Кувшин II в. до н. э., в котором был найден клад.

Коллекция № 35762 датируется совершенно твердо. Материал ее взят из подвала помещения „В“, дома II, раскопок 1936 года³. Всего в коллекции 583 предмета и фрагмента. После гибели дома, в конце II—нач. I в., обрушившийся в подвал материал, залегая ниже уровня материковой скалы, остался ненарушенным позднейшими строительными работами. Его датировка—II в., конец II в. до н. э. Незначительное количество материалов III в. может быть датировано также II в. Фрагменты до III в. представлены единицами. Датируется комплекс прекрасно выраженными, так называемыми чернолаковыми сосудами, амфорами, монетами и клеймами астиномов на амфорных ручках как херсонесских, так и синопских. Между прочим, синоп-

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938, стр. 234 и следующие. По определению издателя—„Северная часть раскопа, возле IX улицы“. По полевой описи—помещения 15—0, 4-й сл. й.

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь; 1938 г., стр. 223, рис. 63, два левых кувшина.

³ Там же. Подвальное помещение „Г“, стр. 211 и сл. По полевой описи „Яма „Г“.

ских оказалось 9 экземпляров, и все относятся по классификации Б. Н. Гракова к VI группе клейм, т. е. к концу II—началу I в. (с 121 по 70 г.)¹. Горла и венчики кувшинов с плоскими ручками, прикрепленными под венчиком, аналогичны описываемому кувшину. Указанные фрагменты составляют подавляющее большинство среди обломков кувшинов этой коллекции. То же самое относится и к донышкам кувшинов: все пять—плоские и подобны дну нашего кувшина. Кроме этого, совершенно аналогичный сосуд, несколько меньших размеров, с позднеэллинистическим материалом² найден в 1908 году в цистерне около Уваровской базилики.

За пределами Херсонеса из хорошо датированных комплексов ближайшие аналогии дала Ольвия. К ним должен быть причислен кувшин из раскопа „И“ 1935—36 гг., датированный суммарно III и II вв.³ Кувшины из некрополя раскопок Б. В. Фармаковского, изъятые из могил № 96⁴, № 38⁵ и № 56⁶, относятся ко II в. до н. э. В могиле № 96 вместе с кувшином найден канфар⁷. Б. В. Фармаковским он датирован II в. Я считаю, что эту датировку можно в данном конкретном случае смело приблизить к концу II и к I в.⁸ То же самое относится и к кувшину из sklepa № 38. Датировка Б. В. Фармаковского дана на основании монет II в. Если же взять весь комплекс материала, то он определенно свидетельствует даже не о конце II, а о I веке до н. э.⁹ Обращаю внимание на краснолаковую чашку № 169¹⁰, два краснолаковых блюда № 167 и 168¹¹, разбитый стеклянный стаканчик, канфар, или, вернее, канфаровидный кубок коричнево-красного лака № 165¹². Форма, техника, орнаментация сосудов, красный лак, не случайное присутствие стеклянного сосуда—все вместе, безусловно, датирует весь комплекс рубежом позднеэллинистической или раннеримской эпохи, концом II и I в. до н. э. Это полностью совпадает с датировкой аналогичных сосудов из Херсонеса. Это же видно и из сопоставлений и аналогий, приводимых самим Б. В. Фармаковским при анализе этих сосудов на указанных страницах. Не решаюсь высказаться столь категорически в отношении могилы № 56; однако, комплекс всех ее предметов, безусловно, указывает на ее принадлежность к концу II в.

Еще два кувшина, совершенно, аналогичной формы, техники и размера описаны Эбертом в его отчете о раскопках у хутора

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. РАНИОН. Москва, 1928, стр. 148.

² Полевая опись раскопок 1908 г. Архив ГХМ. Кувшины 2503.

³ Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа „И“—Ольвия. т. I, Изд. Академии наук УССР, 1940, стр. 147, табл. XXXV, 2.

⁴ ИАК, 8, СПб, 1904, табл. V, 42.

⁵ Там же, табл. V, 45.

⁶ Там же, табл. V, 47.

⁷ Там же, стр. 36, рис. 25.

⁸ Т. Н. Книпович фрагменты аналогичных канфаров из раскопа „И“ датирует III в.—нач. II в. с ссылкой на рассматриваемый канфар. (Указ. работа. Ольвия, стр. 160, табл. XXXVIII, 5). Однако это расходитсся с ее определением „типичной эллинистической керамики II—I вв. в более ранней работе, посвященной керамике Елисаветовского городища (Из истории Восточного Черноморья, вып. 104, М—Л, 1934 г., стр. 136). Моя датировка, за которую я ручаюсь, результат специального изучения развития форм канфара на обширном материале Черноморья и Среднеземноморья для датировки херсонесских.

⁹ См. описание могилы. ИАК, 8, СПб, 1903, стр. 79—80.

¹⁰ См. описание могилы. ИАК, 8, СПб, 1903, стр. 79—80, 49—51, рис. 4¹.

¹¹ Там же и стр. 52—53, рис. 52, табл. V, 3, 4.

¹² Там же и стр. 36—37, рис. 26, стр. 49—50.

Марицына. Один—из подбойной могилы 4 G возле деревни Петуховки, III в. до н. э.¹ и второй—из склепа 2 J, III—II вв., в том же районе². К сожалению, отмеченный Т. Н. Книпович в 1935 г.³ пробел в области изучения простой керамики без росписи и глазури, не восполнен по сей день. Пока еще не может быть и речи не только об установлении определенных произвольных центров этой керамики, но и объяснении эволюции форм различных ее типов и хронологической их классификации. Это полностью относится и к кувшинам. Работа в этом направлении исключительно затруднена отсутствием изданных изображений, чертежей и точных описаний этой группы „простых“ сосудов. Тем не менее и здесь уже можно сделать ряд наблюдений, касающихся развития формы и хронологической градации кувшинов.

Прежде всего, есть общая черта в развитии античных сосудов, четко прослеживаемая на чернолаковой и наблюдаемая на простой посуде. Суть ее—изменение пропорций от грузных, призматических к строгим, затем к стройным, в эпоху эллинизма, и, наконец, к вычурным, удлинненным—в позднем эллинизме. Подобная эволюция, обусловленная теми же причинами⁴, происходит и в архитектуре. В IV в. и в эллинистическую эпоху кувшин принимает законченную форму. Корпус веретенообразный, округлый, подставка четко выражена⁵. Для V и начала IV в. важны ойнахои и одноручные кувшины Олинфа⁶. Для следующей эпохи (2-я пол. IV—III вв.) мы имеем целый ряд сосудов: из курганов могильника, близ с. Журавки⁷, Ольвии⁸, Керчи⁹ и Херсонеса¹⁰. Центр тяжести их корпуса расположен в нижней половине, что придает ему более устойчивую и более приземистую форму. Ручки верхними концами прикреплены к венчику горла и, будучи в одном горизонте с ним, не выступают над ним.

Во II веке продолжается дальнейшее вытягивание формы. Горло приобретает явную тенденцию к цилиндрической форме, резче выражен перелом от него к плечу, центр тяжести корпуса перемещается кверху. Надо полагать, что не случайно кувшины этого периода имеют ручку, прикрепленную верхним концом уже под венчиком горла в связи с удлинением последнего¹¹. Не останавливаясь специ-

¹ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Prachtst. Zeit, V, 1913, стр. 39, рис. 42, 2Gb.

² Там же, стр. 58, рис. 60, 2J1

³ Из истории Боспора. Известия ГАИМК, в. 104. М.—Л, 1934, стр. 148.

⁴ См. замечание Б. Н. Гракова, там же, стр. 87—88.

⁵ См. А. М., LIV, 1929, стр. 47, рис. 3i, 2.

⁶ Olunthos, V, таб. 165—168. Хотя указанная группа относится не к „простой“ керамике, а т. н. чернолаковой, предпочтение отдано Олинфу благодаря обилию иллюстрированного материала и четким хронологическим рамкам, не вызывающим сомнения.

⁷ А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журавки и т. д. ИАК, 17, Спб. 1905, стр. 82, рис. 6 и стр. 86, рис. 12.

⁸ ИАК, 8, Спб, 1903, таб. V, 37, 40 и 41.

⁹ Известия ГАИМК, вып. 104, М.—Л. 1934, стр. 147, рис. 39, профили горл и венчиков, стр. 149, рис. 40.

¹⁰ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 173, рис. 12 и стр. 189, рис. 35. Датировка некрополя концом V—первой пол. IV или V—началом IV в., предложенная Г. Д. Беловым, безусловно неправильна (см. там же обе датировки на стр. 194), так же как и V—IV вв. на стр. 313. Специальное исследование некрополя устанавливает его дату с середины IV до нач. III в.

¹¹ ИАК, 8, Спб, 1903 г., таб. V, 39, 42, 45, 47, 49. Ольвия, т. I, Киев, 1940 г. таб. XXXIV, 2а и XXXV, 2. Фрагменты кувшинов из комплексов Херсонеса II, конца II в. до н. э. М. Ebert, ук. раб.

ально на эпохе первых веков н. э., отмечу, что в это время указанная эволюция кувшина получает свое завершение¹.

Таким образом, кувшин, в котором находился клад, и по анализу формы и по аналогиям датируется II в. до н. э., и я бы склонялся к уточнению его датировки рубежом II—I вв., что совпадает с наиболее поздней датой найденных в нем монет. Последнее обстоятельство, со своей стороны, подкрепляет наш вывод, основанный на вышеприведенном анализе. Тем самым можно определенно утверждать, что найденный клад был зарыт в эпоху скифских войн конца II в. до н. э., причинивших ряд экономических и политических бедствий Херсонесской республике.

Как видно из описанных выше обстоятельств находки клада, лишь часть его поступила в музей. Часть монет роздана на память разным лицам: инженеру Бычкову в количестве 3—4 десятков, из них—около десятка серебряных, одна или две—студенткам-практиканткам, которые завезли их в Москву. Не исключена возможность, что и другие лица получили подобные подарки. Кроме того, основная часть клада—медные монеты—были отданы как игрушки ребенку дошкольного возраста, который их дарил и терял. Вероятно, часть монет могла остаться у бойцов трофейной команды и рабочего тов. Васильева, уехавшего из Севастополя.

Таким образом, часть клада либо растеряна, либо раздарена. Вопрос заключается в определении количества недостающих монет. Вследствие того, что кувшин, после кропотливой и трудоемкой классификации монет по группам и астиномам, был склеен из многочисленных обломков и не выдержал бы тяжести вновь сыпанных в него монет, сосуд был обнатован и его объем вымерен с помощью песка меркой емкостью в пол-литра. Затем в эту же мерку были собраны монеты одной большой группы. Количество песка, всыпанного в кувшин, определялось верхней границей медной окиси на внутренней стороне его горла. В результате выяснилось, что недостает в кладе не менее 500 монет. К сожалению, и эта цифра даже приблизительно неточна, ибо след окиси обнаружен только на одной стороне горла. Совершенно точно установлено, что сосуд был закопан в земле на боку, а поэтому есть основания предполагать, что часть монет, заполнявших его, должна была находиться в горле, даже если кувшин был неполным. Вероятнее всего, что так оно и было, ибо солдат при сооружении окопа срубил лопатой часть горла. Тем не менее, в выкинутой земле и на дне окопа найдены только обломки горла кувшина и 5 монет. Из них—в выкинутой земле только две. Если бы монеты заполняли кувшин полностью, то они обязательно должны были бы просыпаться в большом количестве и не могли бы быть незамеченными. Несомненной остается безвозвратная пропажа некоторого количества монет. Однако, даже при худшем случае—утере до 500 монет—научное значение клада для истории экономики и монетного дела эллинистического Херсонеса не может быть преувеличено.

---

¹ См., напр., Археологические памятники Боспора и Херсонеса. Материалы и исследования по археологии СССР, № 4, М—Л, 1941, стр. 62, рис. 91, стр. 78, рис. 113.